

С каких пор люди стали такими? Такими, как их видят сейчас. Я не говорю о всех, но судят по худшему. Ведь иначе фюрер был бы тем, кто принёс в мир огромный технологический прогресс, а «Наркомовские 100 грамм» были бы не так бесполезны. Мне не дано понять, я только слышал об этом. Так много голосов я слышал, так много запомнил, столько пережил, столько отслужил многим.

Я родился на советском Кировском заводе, из-за чего меня с моими братьями обидно обзывали «кирзачами». Единственное, чем я выделялся из близнецов, так это тем, что меня просмолили два раза, только потому, что рабочий засмотрелся на проходящую девицу. Потом деревянный коробок, где нас было много. Долгий путь с небольшими передышками на разных складах. Имя первого, с кем я начал отдавать честь, было - «Алексей». Он был лейтенантом советской армии. Именно с ним я понял для чего рожден и что к чему в мире. Алексей был отличным парнем – умный, настойчивый, рассудительный. Старших по званию он уважал, младших за зря не трогал, всегда обдумывая свой приказ, за что заслужил уважение среди солдат. Мне нравилось ходить под его ногой, жаль, что я ему немного натирал со своей двойной пропиткой. Нас перевели на границу. Алексей сам просился туда, уж сильно ему надоело сидеть в штабе.

В тот день под утро мы сменяли пост, и мой лейтенант, будучи ещё во сне, спросил у служивого:

-«Какое сегодня число?»»,

-«22 июня, товарищ лейтенант», - в последний раз ответил солдат.

Трагичность последующих дней не описать словами. Страх, ненависть и отвага летала над полями сечи. В глазах солдат тлела пустота, а их лица передавали невыносимую тоску по всему сразу. У каждого на губах застыли слова: «Хочу домой». Алексей один из тех, кто не позволил себе сломаться. Хотя бы на людях. Часто его слёзы котились по моей коже, перед тем как уснуть. Почти никогда я не был сухим или чистым, и помнится мне, приезжали чины повыше и отчитывали Алексея за неопрятность и ещё какие-то мелочи с таким азартом, что уши загорались. О-о-о, как мне хотелось тогда иметь руки, да покрепче, чтобы объяснить этим «чинам» что к чему. Первая кровь, попавшая на меня, была не врага, она принадлежала раненому советскому солдату, которого пытался спасти Алексей. Дойдя до госпиталя, он орал, пока не потерял голос. «Врача! Врача!», но из-за безумных воплей и предсмертных агоний его не слышали. Проносившаяся мимо медсестра заметила его и сказала, что солдат, которого он перетягивает жгутом, давно уже мёртв.

Через год, в начале зимы, меня отдали маленькой девочке в Богом забытом селе. Отдавали меня худые руки, мёртвый взгляд, ошмётки надежды. Это был сослуживец Алексея. Сам Алексей умер. Его нашла пуля снайпера. Он был не таким как все - он был из тех, кто мог поменять ход битвы. Поэтому все честно и туго скорбели, но никто не удивлялся, когда этого офицера несли меж солдат. Не удивлялись, что именно он. Я еле держался на ногах маленькой 8-ми летней Насти. И иногда, на её 6-ти летнем брате - Владе. Худые, бедные дети. Одни, имея только друг друга. Они выживали в погребе одного из домов, где было немного теплее, чем на улице. Все стены того погреба украшали детские рисунки угольком. Советские войска отдали и этот рубеж немцам, которые проглотили его, не обратив внимания. Когда мы в 10-й раз проверяли дома на наличие хоть каких-нибудь крох, я молился немymi криками, не имея ладоней, чтобы их спаять. Но делал это, умоляя спасти их.

Ноги то ли дезертира, то ли мародёра расхаживали во мне. Мир суров. Такое существование не выносимо! Он, этот человек, не успел на один день. На один день. Так много и также мало. Насте было куда важнее жизнь брата, чем своя собственная. Она отдала меня и моего потёртого близнеца ему, обняла, чтобы сохранить хоть каплю тепла. Она точно молилась лучше меня. Влад шагал за немым мужчиной, которого он называл Мед, сокращённо от слова «медведь». Они почти не говорили. Почти никогда. Общались без слов. Я побывал ещё на многих партизанских ногах. С одной из облав немцев на наши строения, я остался там. Давно уже под землёй, с прогнившими костями внутри, я лежал и мечтал

или думал. О мире, свободе. О жизни и смерти. О времени и морали. Так много голосов я слышал, столько отслужил многим.